

6

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

2

1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО

· НАУКА ·

МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2

1975

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

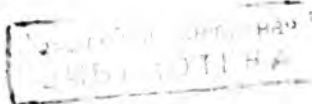
А. В. Арциховский (главный редактор),
О. Н. Бадер, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский,
Ю. Н. Захарук (зам. главного редактора), *И. С. Каменецкий,*
М. К. Каргер, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков, В. С. Титов (отв. секретарь)

СОДЕРЖАНИЕ

Об актуальных задачах советской археологической науки	5
В. П. Третьяков (Ленинград). Неолит Верхнего Поднепровья и его отношение к днепро-донецкой культуре	9
В. И. Сариниди (Москва). Степные племена эпохи бронзы в Маргиане	20
И. Л. Кызласов (Москва). Поминальные памятники таптыкской эпохи	30
Т. Н. Высотская (Симферополь). Общественные здания Неаполя Скифского	48
Г. В. Шишкина (Самарканд). Эллинистическая керамика Афрасиаба	60
Э. Грингмут-Дальмер (ГДР, Берлин). Развитие культурного ландшафта в западнославянских областях: проблемы, методы и результаты исследования	79
В. В. Мавродин, С. Н. Орлов (Ленинград, Новгород). К вопросу об «Уставе» князя Ярослава «о мостех»	89
А. В. Чернецов (Москва). Древнерусские изображения кентавров	100
Т. А. Хлебникова (Казань). Ранний Булгар	120
Л. В. Фирсов (Новосибирск). Опыт радиоуглеродного датирования известковых вяжущих растворов	133

Публикации

А. Х. Юсупов (Душанбе). Неолитическое поселение Сай-Сайед на юго-западе Таджикистана	138
С. С. Березанская (Киев). Неолитическая стоянка у хутора Гришевка на Средней Десне	148
В. Ф. Старков, Ю. Б. Сериков (Москва, Нижний Тагил). Стоянка Полуценка II в Среднем Зауралье	168
А. Д. Прякин, В. И. Сагайдак (Воронеж). Металлообрабатывающая мастерская на поселении срубной культуры	176
Л. В. Копейкина (Ленинград). Новые данные об облике Березапи и Ольви в архаический период	188
М. Г. Магомедов (Махачкала). Хазарские поселения в Дагестане	200
А. И. Романчук, В. Е. Рудаков (Свердловск). Керамический комплекс IX—X веков Баклинского городища	217

Е. Б. Пругер (Ташкент). К истории разработки месторождений тальковых пород в Узбекистане	223
В. П. Даркевич (Москва). Медные и бронзовые изделия из Волжской Болгарии (XIII—XIV века)	232

Заметки

В. В. Сидоров, М. Г. Жилин (Москва). Мезолитическая стоянка Дальний остров в Подмоскowie	244
В. И. Дьяков (Владивосток). Новая археологическая коллекция с о. Итуруп (Курильские острова)	249
В. С. Горбунов, М. Ф. Обыденнов (Уфа). Паходки костяных псалцев эпохи бронзы в Башкирии	254
В. А. Непочатых (Хвалынецк). Акинпак из Хвалынска	258
В. А. Кореняко, А. А. Горбенко (Ростов-на-Дону, Азов). Котел сарматского времени в Азовском музее	259
М. В. Горбаневский, А. С. Фролов (Москва). Сюльгама дьяковского времени с Борисоглебского городища	260
Э. В. Ртвеладзе (Ташкент). К характеристике памятников Сурхандарьинской области ахеменидского времени	262
П. И. Старостин (Казань). Погребение с остатками кремации в низовьях Камы	266
Ю. П. Воронов, А. С. Вознюк (Сухуми). Новые археологические находки в Гудаутском районе Абхазской АССР	268

Критика и библиография

И. Д. Праслов (Ленинград). H. de Lumley-Woodyear. Le Paleolithique inférieur et moyen du Midi Méditerranéen dans son cadre géologique V. H. Bas-Languedoc — Roussillon — Catalogne, Paris, 1971	275
К. Л. Паавер (Тарту). Domestikationsforschung und Geschichte der Haustiere. Internationales Symposium in Budapest, 1971, Budapest, 1973	278
В. В. Бжания, В. И. Марковин (Москва). Избранные труды М. М. Трапша	280
И. Л. Членова (Москва). В. С. Стоколос. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972	283
Е. Е. Кузьмина (Москва). О. А. Вишневецкая. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V веках до н. э. М., 1973	287
М. В. Горелик (Москва). E. B. Thomas. Helme, Schilde, Dolche. Studien über römisch-pannonische Waffenfunde, 1971	292
А. К. Амброз (Москва). G. Faider-Feuymans. Les nécropoles mérovingiennes. Les collections d'archéologie régionale du Musée de Mariemont, 1970	296
М. Ф. Шур (Ленинград). Ю. Л. Щапова. Стекло Киевской Руси. М., 1972	300
С. И. Кочуркина (Петрозаводск). Л. А. Голубева. Вещь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973	303

Хроника

О. А. Кондратьева (Псков). Подготовка к музеефикации памятников археологии и архитектуры в Пскове	306
В. В. Седов (Москва). VI Всесоюзная конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии	312
Т. Б. Томас (Ленинград). Новые поступления в фотоархив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР	315
К. А. Акишев, К. М. Байпаков (Алма-Ата). Музей археологии Академии наук Казахской ССР	316
<u>Монгайт Александр Львович</u> /	318

И. Л. КЫЗЛАСОВ

ПОМИНАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ТАШТЫКСКОЙ ЭПОХИ

Ранний железный век Хакасско-Минусинской котловины изучен сравнительно хорошо. Данные о таштыкской эпохе (I в. до н. э.— V в. н. э.) систематизированы и обобщены С. В. Киселевым и Л. Р. Кызласовым¹. Однако в последние годы выявлен еще один вид памятников этого времени. Исследователям давно были известны ряды плит, вертикально вкопанных в землю на некотором расстоянии друг от друга. В прошлом веке их обследовали на Уйбатском чаа-тасе и возле улуса Кокова И. Р. Аспелин и Д. А. Клеменц². В качестве принадлежности таштыкских могильников ряды вертикальных камней впервые отмечены в классификации С. А. Теплоухова³. Вывод основывался на их обычной территориальной связи.

С. В. Киселев подтвердил эти наблюдения (Уйбатский чаа-тас, Уйбат II, Ильинская гора на р. Тубе, окрестности с. Тесь), добавив стратиграфические обоснования⁴.

Данные о всех рядах вертикальных камней, известных к середине 50-х годов, суммировал Л. Р. Кызласов. Им же были открыты и описаны подобные ряды стел на Изыхском, Верх-Аскизском, Све-тагском, Кой-бальском, Подзаплотском чаа-тасах, а также возле могильников у ул. Кызласова (р. М. Есь); в долинах рек Уйбат, Бейка, Бюрь и Белый Июс; отмечена одна оставшаяся от ряда плита па Сырском чаа-тасе⁵.

Исследователи суммарно считали такие плиты принадлежностью групповых могильников и занимались прежде всего памятниками, наиболее важными для воссоздания общего хода исторического процесса на Среднем Енисее.

Раскопки рядов вертикальных камней начались лишь в конце 60-х годов, но и тогда еще не преследовались цели специального их изучения. Лишь по окончании работ Э. Б. Вадецкой на увале Мысок и М. П. Грязнова в пункте Тепсей III в 1968 г. несколько стел, включенных в широкие раскопы, были отнесены к хорошо известным исследователям рядам плит таштыкских могильников. Тогда стало понятным и назначение двух плит, раскопанных за год до этого у дер. Новая Черная. Но выявленные рас-

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1954; Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960.

² Н. Appelgren-Kivalo. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, Abb. 158—160; И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. 3. СПб., 1890, рис. 34, стр. 33; «Отчет о раскопках чаа-таса в Качинской степи в 1889 и 1890 гг. Д. А. Клеменцем». Архив ЛОИА, ф. 1, д. № 23, 1838.

³ С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. МЭ, т. IV, 2. Л., 1929, стр. 50.

⁴ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири..., стр. 400, 415, 468; его же. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. «Ежегодник государственного музея имени Н. М. Мартыанова», т. VI, 2. Минусинск, 1929, стр. 14, 15.

⁵ Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха..., стр. 11; его же. Хакасская археологическая экспедиция 1958 г. Уч. зап. Хак. НИИЯЛИ, VIII. Абакан, 1960, стр. 165, 166; его же. Хакасская археологическая экспедиция 1959 г. Уч. зап. Хак. НИИЯЛИ, IX. Абакан, 1963; его же. Сырский чаа-тас. СА, XXIV, 1955, стр. 255, рис. 1.

копками жертвенные комплексы первоначально не связывались авторами работ в единое целое с обнаруженными камнями рядов⁶.

В 1970 г. началось целенаправленное изучение этих памятников (раскопки М. П. Грязнова в пункте Тепсей IV на правом берегу Енисея и Л. Р. Кызласова на Койбальском чаа-тасе в долине р. Ут — правом притоке р. Абакан)⁷. В 1971 г. Э. Б. Вадецкой изучался ряд плит у с. Тесь⁸. В заметке, посвященной раскопкам 1967—1968 гг., Э. Б. Вадецкая постаралась привлечь внимание археологов к этому типу таштыкских памятников. После краткого историографического обзора ею было дано описание комплексов и поставлены некоторые вопросы⁹. В 1971 г. в одной из своих статей М. П. Грязнов упомянул об инвентаре поминальника, раскопанного им на Тепсее III¹⁰. Таким образом, интересующий нас вид памятников все еще мало известен в литературе.

Таштыкские жертвенно-поминальные комплексы изучены раскопками в восьми пунктах (рис. 1). Три из них расположены на правом берегу Енисея (Тепсей III и IV, Тесь) и пять — на левом берегу Енисея и на р. Абакан (Новая Черная, Мысок, Койбальский чаа-тас, Оглахты VI, Красный Яр)¹¹. Попытаемся проанализировать доступные нам материалы этого нового источника по истории племен раннего железного века Хакасско-Минусинской котловины.

В расположении рядов каменных плит по отношению к границам таштыкских могильников нет определенной закономерности (таблица). Их обычно не бывает на грунтовых могильниках (Оглахты VI; ст. Ербинская; близ г. Кезек-таг на р. Бейке и в других местах)¹². Иногда подобные стелы располагаются на ровном месте, где следов могильников вообще заметить не удастся¹³. Объяснение этому будет дано ниже. О размерах таких рядов трудно говорить определенно. Не все камни сохранились. Без обширных раскопок нельзя установить истинного первоначального числа плит и протяженности рядов. Раскопы закладывались пока только вокруг камней, заметных на поверхности, и поэтому не охватывали всей площади комплексов.

Степень сложности памятников различна (таблица). На могильниках чаще всего отмечен один ряд вертикально вкопанных плит. Но иногда таких рядов бывает два. На Верх-Аскизском чаа-тасе их три, а на Койбальском, вероятно, четыре (относятся к трем склепам). Раскоп «А» на Тепсее III захватил три, а в раскоп «Б» Тепсея III попало пять рядов вертикальных плит¹⁴.

⁶ Э. Б. Вадецкая. Поминальные камни таштыкских могильников. КСИА АН СССР, 128, 1971, стр. 34; см. также: Э. Б. Вадецкая, Работы Таштыкского отряда. АО—1968. М., 1969, стр. 185; М. П. Грязнов, М. Н. Комарова. Раскопки у горы Тепсей на Енисее. АО—1968, М., 1969, стр. 177, 178; Э. Б. Вадецкая. Раскопки на месте дер. Новая Черная. АО—1967, М., 1968, стр. 181, 182; М. П. Грязнов. Миниатюры таштыкской культуры. АСб. ГЭ, 13, 1971, стр. 94.

⁷ М. П. Грязнов. Комплекс таштыкских погребальных памятников у горы Тепсей. АО—1970, М., 1971, стр. 202, 203; Л. Р. Кызласов. Двадцатый год работы Хакасской экспедиции. АО—1970. М., 1971, стр. 218.

⁸ Э. Б. Вадецкая, Г. А. Максименков, В. Е. Чижов. Начало работ Тубинской экспедиции. АО—1971. М., 1972, стр. 276.

⁹ Э. Б. Вадецкая. Поминальные камни таштыкских могильников...

¹⁰ М. П. Грязнов. Миниатюры таштыкской культуры, стр. 96.

¹¹ Ввиду неопределенности материалы раскопок на Красном Яру нами не использованы (Э. Б. Вадецкая. Раскопки под горой Оглахты на р. Енисее. АО—1972, М., 1973, стр. 201).

¹² Наблюдения Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1971—1973 гг.

¹³ Л. Р. Кызласов. Хакасская археологическая экспедиция 1958 г., стр. 166; *его же*. Таштыкская эпоха..., стр. 157; Э. Б. Вадецкая. Поминальные камни..., стр. 36; близ могильника Койбалы II.

¹⁴ С. В. Киселев. Древняя история..., стр. 400; Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха..., стр. 11; *его же*. Хакасская археологическая экспедиция в 1958 г., стр. 165, 166; *его же*. Хакасская археологическая экспедиция 1959 г.; Э. Б. Вадецкая. Поминальные камни..., стр. 34; М. П. Грязнов. Отчет Карасукского отряда Красноярской археологической экспедиции за 1968 г., стр. 31, 44; архив ИА, д. 3922.

Ряды енисейского левобережья тяготеют к меридиональной ориентировке (таблица). Особенно хорошо видна закономерность в положении составляющих их плит, узкие грани которых почти всегда направлены на восток и запад. У памятников, расположенных на правом берегу Енисея, такой четкости нет ни в ориентировке рядов, ни в положении плит¹⁵. Возможно, наметившиеся различия случайны и объясняются малочисленностью известных правобережных памятников.

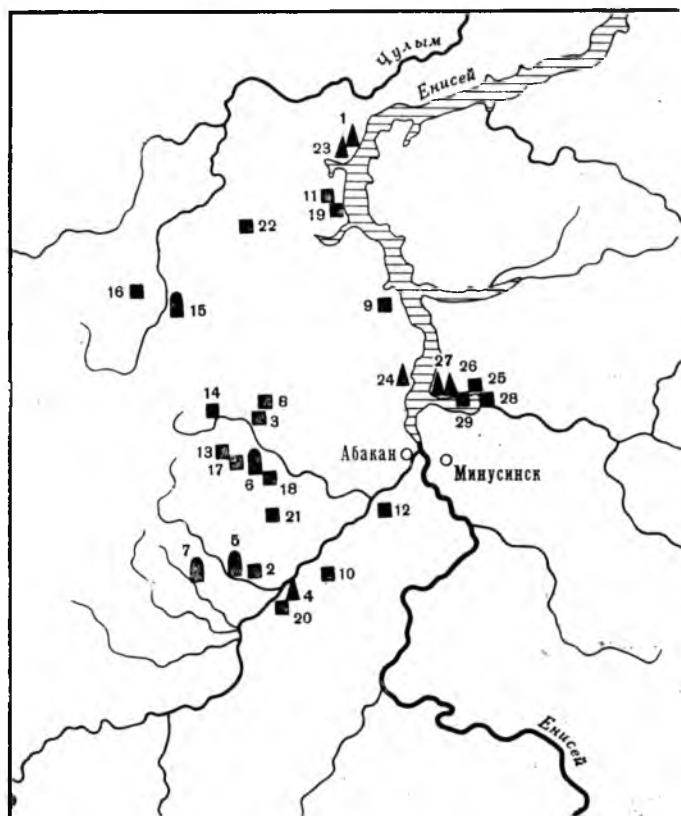

Рис. 1. Поминальные памятники таштыкской эпохи, схема (в 1 см 20 км).

Условные обозначения: треугольник — раскопанные, квадрат — нераскопанные, высокая фигура — ряды высоких плит, цифра — номер памятника по таблице

Раскопки дают новый материал, необходимый для правильного понимания назначения, определения времени сооружения и культурной принадлежности таштыкских рядов.

На Койбалском чаа-тасе к востоку от 12 стел (девять из них были на поверхности) в раскопе обнаружено восемь ям. Каждая из них располагалась против узкой грани одной из плит (рис. 2). Ямы были удалены от плит на 0,22—0,55 м. В пяти ямах находились каменные ящики. Их размеры: № 1 — 0,7×0,5 при глубине 0,39 м от погребенного дерна; № 4 — 0,5×0,4×0,3; № 5 — 0,42×0,28×0,6; № 6 — 0,5×0,75×0,45; № 7 — 0,48×0,3×0,4 м (размеры ям, не имевших ящиков: № 2 — 0,8×0,7×0,75; № 3 — 0,7×0,6×0,6; № 8 — 0,65×0,5×0,79 м). Все ямы и ящики были

¹⁵ С. В. Киселев. Древняя история..., стр. 400, 414; Л. А. Евтюгова, С. В. Киселев. Чаа-тас у села Копёны. Тр. ГИМ, XI. М., 1940, стр. 27; С. А. Теплоухов. Ук. соч., стр. 50; Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха..., стр. 11; его же. Хакасская археологическая экспедиция 1958 года, стр. 165, 166; Э. Б. Вадецкая. Ук. соч., стр. 34.

Расположение рядов

№№ по схеме	Местоположение	Окраина могильника	Ориентировка ряда	Ориентировка плит	Число плит в ряду	Примечание
Левый берег Енисея						
1	Увал Мысок	ЮВ	С—Ю	З—В	—	—
2	Све-тагский чаа-тас	В	С—Ю	З—В	—	—
3	Усть-Бюрь	—	С—Ю	З—В	11	—
4	Койбальский чаа-тас	СЗ	ССЗ—ЮЮВ	ЗЗЮ—ВВС	9	—
		СЗ	С—Ю	З—В	2	—
		На могильнике	ССВ—ЮЮЗ	З—В	2 и 3	2 ряда (11 м)
		ЮЗ	ССВ—ЮЮЗ	З—В	3 и 5	2 ряда
5	В.— Аскизский чаа-тас	В	ССВ—ЮЮЗ	З—В	43	70 м, изваяния; за склепами
6	Уйбатский чаа-тас	ЮВ	ССВ—ЮЮЗ	З—В	34	Изваяния
7	ул. Кызласов	ЮЮЗ	ССВ—ЮЮЗ	З—В	18	120 м, изваяние
8	р. Бюрь	ЮЮЗ	ССВ—ЮЮЗ	З—В	12	25 м
9	Копенский чаа-тас	ЮЗ	ССЗ—ЮЮВ	—	5	Изваяние
10	Куйбышевский чаа-тас	ЮЗ	СЗ—ЮВ	ЗЗЮ—ВВС	16	40 м, 2 ряда?
11	«Копи»	СВ	ССВ—ЮЮЗ	—	8	—
12	Изыхский чаа-тас	ЮЗ	СВ—ЮЗ	З—В	4	—
13	г. Улуг-таг, р. Бейка	—	СЗ—ЮВ	З—В	—	—
14	р. Уйбат	—	СЗ—ЮВ	—	—	—
15	г. Оспа, р. Б. Июс	ЮЗ	СЗ—ЮВ	—	54	80 м, 2 ряда
16	Подзаплотский чаа-тас	ЮВ	—	—	—	2 ряда
17	Бейка I	—	—	—	—	2 ряда
18	Уйбат II	В	—	—	—	—
19	С. Батени	СВ	З—В	С—Ю	6	—
20	Койбалы II	Не на могильнике	СВ—ЮЗ	ЗЗС—ВВЮ	5	25 м
21	Сырский чаа-тас	З	С—Ю(?)	З—В	1	Перенесены
22	ул. Коков	—	—	—	30	—
23	д. Н. Черная	—	—	—	—	—
24	Красный Яр	—	—	—	—	—

Правый берег Енисея

25	г. Ильинская	С	З—В	С—Ю	12	—
26	Тепсей III	ЮЗ	СЗ—ЮВ	ЮЗ—СВ	—	—
27	Тепсей IV	ЮЗ	СЗ—ЮВ	ЮЗ—СВ	—	—
28	с. Тесь (1928 г.)	ЮЗ	С—Ю	З—В	5	—
29	с. Тесь (1972 г.)	—	—	—	—	—

покрыты плитками (рис. 3 и 4). Ящик 5 заложен сверху обломками скалы до глубины 0,3 м¹⁶.

Сходную картину дали раскопки на Тепсе III и IV. Здесь ямы располагались напротив узких северо-восточных граней плит. Каменные ящики обнаружены раскопками в поминальниках у с. Тесь, на увале Мысок¹⁷, а также при осмотре Л. Р. Кызласовым ряда плит у горы Улуг-Таг на р. Бейке. Во всех подобных ямах или ящиках найдены остатки мясной и жидкой пищи (рис. 2—6). Жертвоприношения оставались изредка просто на почве с восточной стороны плит (скопления костей животных обнаружены возле стел VI, VII и VIII Койбальского чаа-таса, перед которыми ям не оказалось — рис. 2).

¹⁶ Л. Р. Кызласов. Двадцатый год..., стр. 218.

¹⁷ М. П. Грязнов. Комплекс..., стр. 203 (на Тепсе III к 32 стелам относятся 30 ям); Э. Б. Вадецкая. Поминальные камни..., стр. 34; Э. Б. Вадецкая, Г. А. Максимков, В. Е. Чижов. Ук. соч., стр. 277.

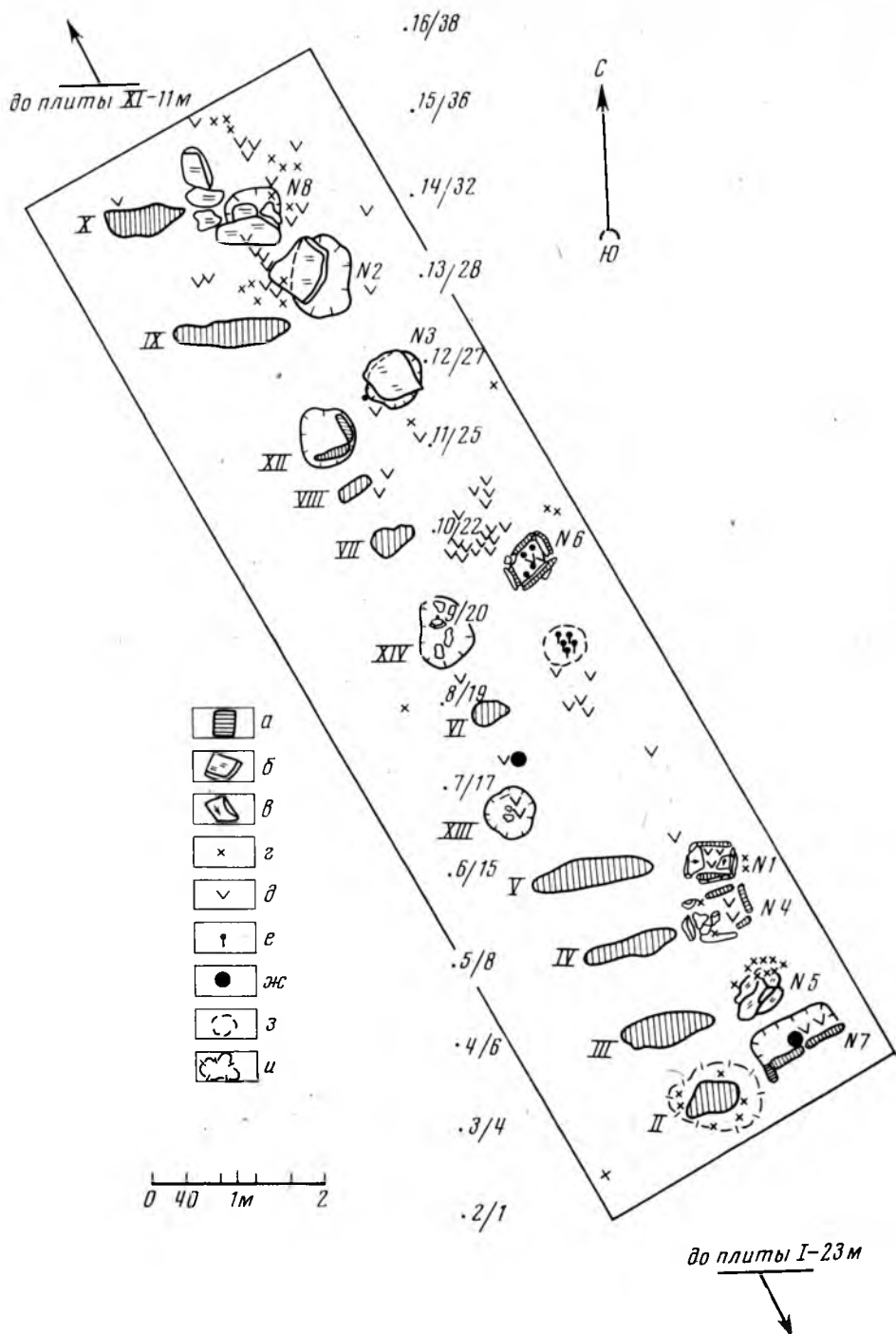

Рис. 2. Жертвенно-поминальный ряд Койбальского чаа-гаса: а — стоящая плита, б — горизонтальная плита, в — наклон плиты, г — обломки сосудов, д — кости животных, е — кальцинированные кости животных, ж — разные находки, з — зола, и — граница разброса обломков сосудов в первом слое

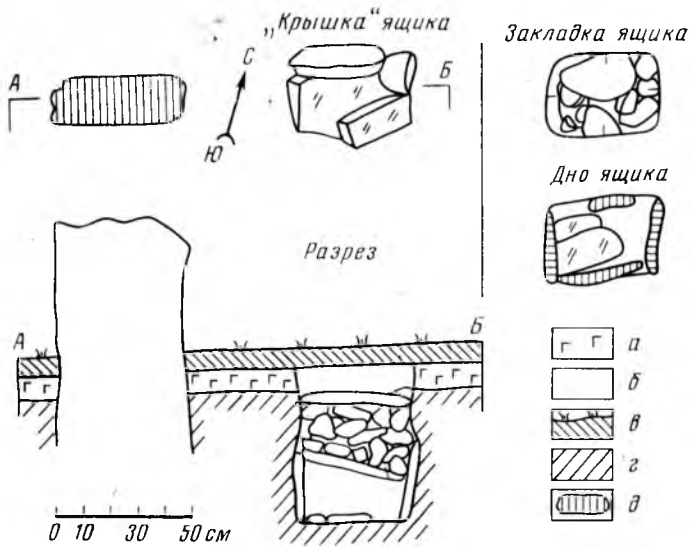

Рис. 3. Койбальский чаа-гас. Стела III, ящик 5 а — погребенный дерн, б — супесь, в — дерн, г — материк, д — стоящие камни

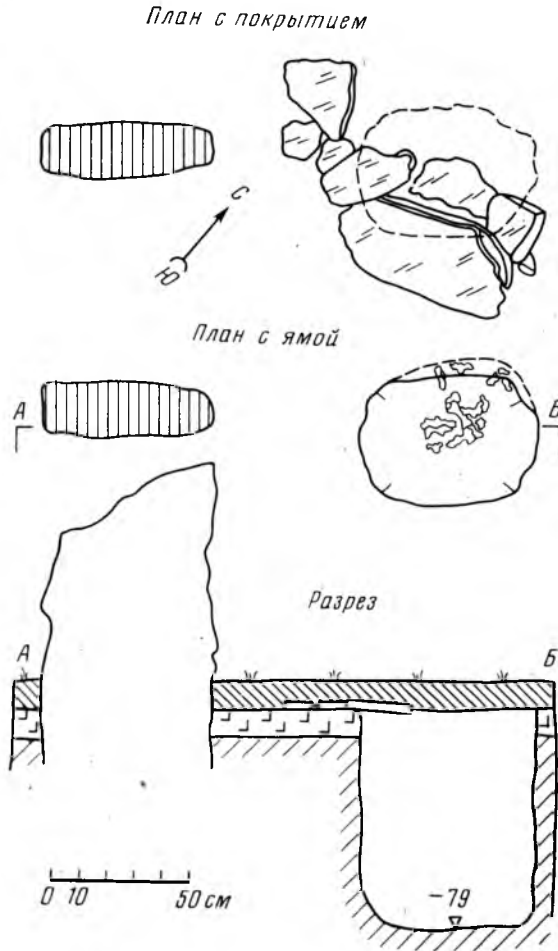

Рис. 4. Койбальский чаа-гас. Стела X, яма 8

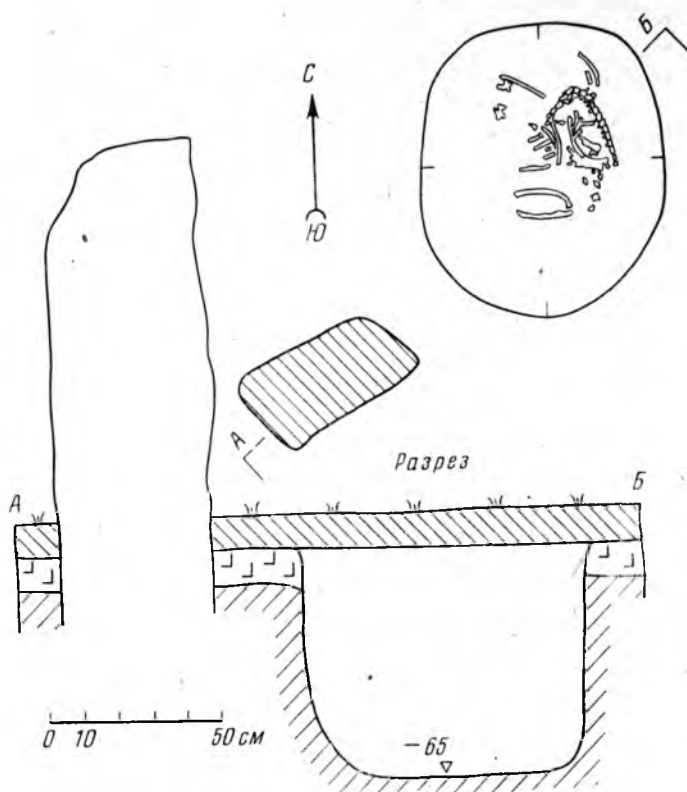

Рис. 7. Койбальский чаа-тас. Туесок из ящика 6

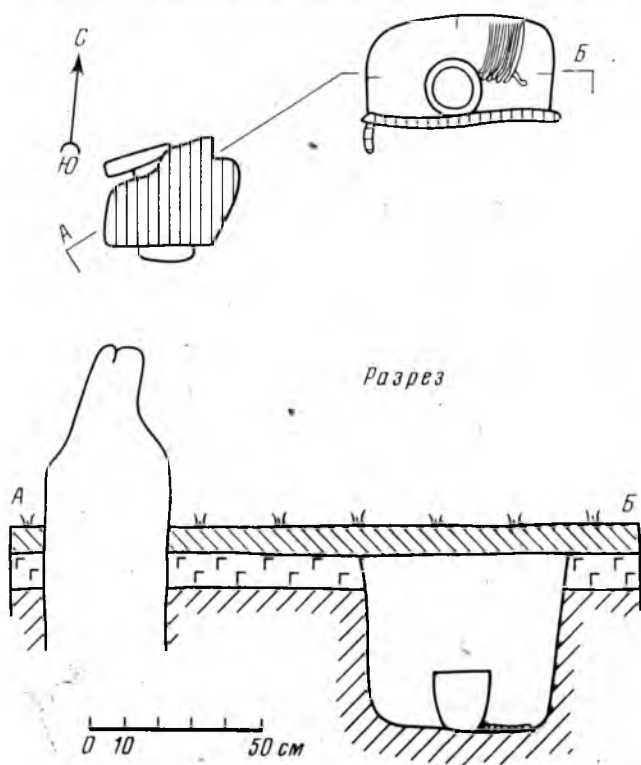

Рис. 6. Койбальский чаа-тас. Стела II, ящик 7

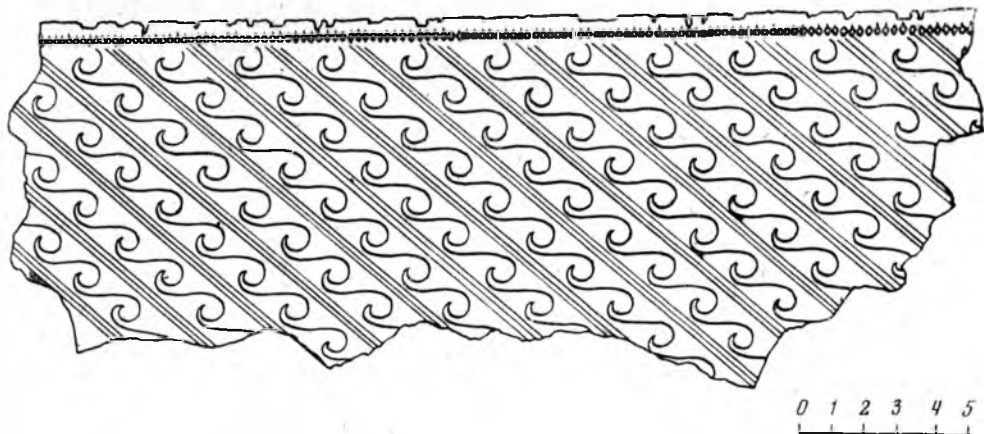

Рис. 7. Койбальский чаа-тас. Туесок из ящика 6

Кости, найденные в ямах перед плитами Койбальского чаа-таса, принадлежали преимущественно особям мелкого рогатого скота. Обычны находки костей таза и позвоночника, ребер и лопаток, реже — костей ног. Видимо, в яму клали лучшие куски грудинки и задней части туши. В яме 2 найден почти полный скелет овцы, лежавший на боку (рис. 5). Однажды обнаружены кости передней части туши крупного рогатого скота (яма 8). В ящике 6 найдены остатки таза, ног и ребра лошади, но здесь же лежали и кости овцы. О жидкой пище, находившейся в ямах, свидетельствуют найденные там сосуды. Глиняные горшки оказались в двух ящиках 6 и 7 (рис. 6). Возможно, в другие ямы была положена только мясная пища или совершались возлияния. Жидкости могли ставить и в сосудах из недолговечного дерева и бересты. В ящике 6 найдены остатки берестяного туеска¹⁸ (рис. 7). Аналогично содержимое жертвенных ям, раскопанных близ горы Тепсей. Кроме костей животных и горшков в четырех ямах здесь оказались железные скобки. Некогда они стягивали лопнувшие стенки старых деревянных сосудов¹⁹ (скорее всего блюд для мяса). Находки на увале Мысок, у д. Н. Черная, у с. Тесь подтверждают такой же состав жертвенной пищи²⁰.

В ямах у плит везде нет вещей. Лишь в ящике 6 Койбальского чаа-таса оказался обломок узкой железной окислившейся пластины с остатками дерева на одном конце. Скорее всего это также скрепка от сгнившего деревянного сосуда²¹. Содержимое ям (иногда с каменными ящиками) позволяет сделать вывод об их жертвенном назначении. Приношение в каждой жертвенной яме совершалось лишь однажды.

На Койбальском чаа-тасе кости животных встречены не только в жертвенных ямах, но и под дерном возле стел. Здесь оказались обломки челюстей, зубы, пяточные и таранные кости, плюсны, обломки ребер, позвонки, таз и лопатки. Все это кости овцы, коровы и лошади. Отметим, что в самих ямах находки костей конечностей и черепов очень редки²². Вне ям найдены и куски лепных таптыкских сосудов. Интересна находка на го-

¹⁸ Л. Р. Кызласов. Двадцатый год..., стр. 218.

¹⁹ М. П. Грязнов. Раскопки у горы Тепсей на Енисее, стр. 177—179; его же. Миссиатуры..., стр. 94, 96, рис. 1, 1, 2, 4, 5; Э. Б. Вадецкая. Поминальные камни..., рис. 7; М. П. Грязнов. Комплекс..., стр. 203.

²⁰ Э. Б. Вадецкая. Работы таптыкского отряда, стр. 185; ее же. Поминальные камни..., стр. 34, рис. 6; Э. Б. Вадецкая, Г. А. Максименков, В. Е. Чижов. Начало работ Тубинской экспедиции, стр. 277.

²¹ Л. Р. Кызласов. Двадцатый год..., стр. 218.

²² У горы Тепсей выявлена та же закономерность.

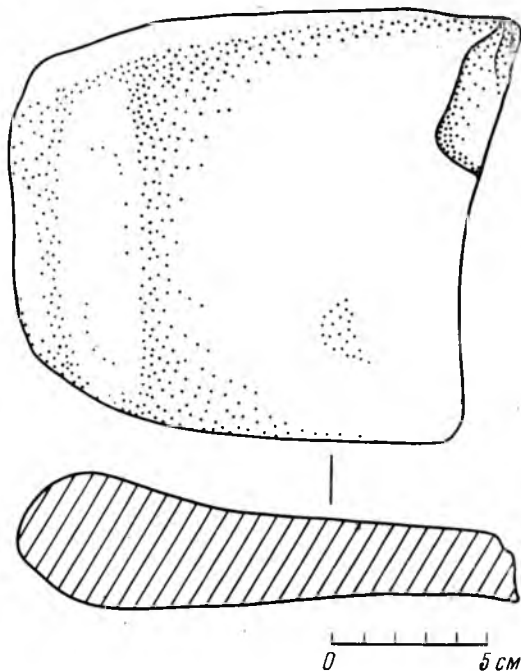

Рис. 8. Койбальский чаа-тас. Обломок зерно-терки

ризонте между плитами VI и XIII обломка куранта таштыкской зерно-терки (рис. 8)²³.

Посуда, найденная в ямах всех ныне известных рядов, принадлежит к типам, характерным только для таштыкской эпохи. Этим окончательно устанавливается культурная принадлежность памятников. На Койбальском чаа-тасе найдены три лепных горшка. Обжиг неравномерный, поверхность пятнистая (серая с красновато-коричневыми или черными пятнами). Черепки в изломе черные. Тесто — с примесью песка или мелкого гравия. Два сосуда могут быть отнесены к баночным типам — I и II²⁴. Оба они под венчиком украшены штампованным узором: одним круглоямочным пояском или двумя полулунными (рис. 9, 1—2).

Баночные сосуды с подобными орнаментами бытуют на протяжении всей эпохи. Но венчик одной из банок имеет еще и насечки по краю. По Л. Р. Кызласову, это признак посуды только раннего изыхского этапа²⁵. Третий сосуд похож на небольшую кринку. Он украшен двумя поясками узора, образованными тремя полосками резного линейного и двумя рядами штампованного подромбического орнамента (рис. 9, 3). Ближайшая аналогия этому сосуду — горшок из грунтовой могилы 1 Изыхского чаа-таса²⁶. Отдельные обломки посуды, найденные вне ям, не могут помочь при определении датировки комплекса. Можно лишь отметить еще один фрагмент венчика раннего сосуда, который имеет насечки по краю. Все указанные признаки относятся к раннеташтыкской посуде. Это позволяет заключить, что изучаемый ряд вертикальных плит Койбальского чаа-таса относится к изыхскому этапу (I в. до н. э. — I в. н. э.).

²³ Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 218. У стелы II обнаружены в одном месте обломки «кыргызской» вазы, относящиеся уже ко времени чаа-таса (VI—IX вв.).

²⁴ Для характеристики форм сосудов и орнаментов использована классификация Л. Р. Кызласова (см. Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха...).

²⁵ Там же, стр. 66, 73.

²⁶ Там же, рис. 25, 1.

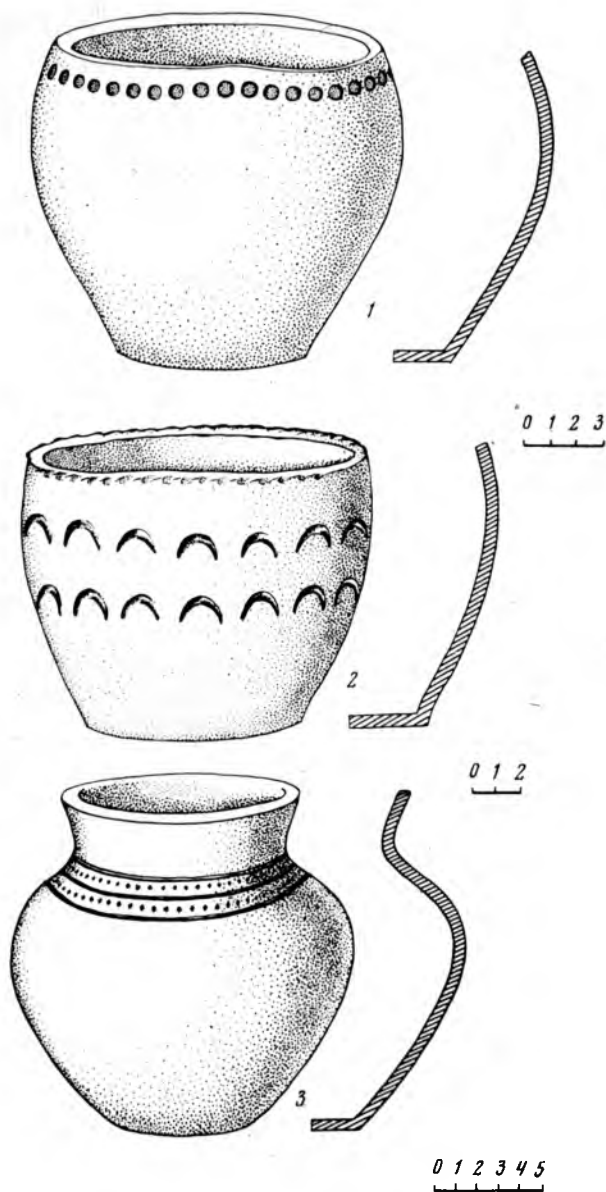

Рис. 9. Сосуды из жертвенных ям Койбальского чаа-та-са (1, 3 — из ящика 6; 2 — из ящика 7)

Склепы — единственный известный вид таштыкских погребальных памятников Койбальского могильника. Очевидно, ряды плит связаны с ними. Не случайно стелы стоят здесь к юго-западу и западу от склепов, т. е. перед их входами.

В ямах возле рядов плит Тепсея III найдено 44 сосуда²⁷, представляющих семь типов таштыкской посуды: баночный II (18 экз.), баночный I (10 экз.), подвесной I (9 экз.), бочонковидный I (4 экз.), горшковидный II (1 экз.), сферический (1 экз.), кувшины (1 экз.). Большинство сосудов этих типов бытует длительное время (исключая лишь поздний камешковский этап). То же подтверждает и орнаментация сосудов. Употребление

²⁷ Выражаю глубокую благодарность М. П. Грязнову за любезно предоставленную мне возможность ознакомиться с коллекцией из его раскопок, хранящейся в Гос. Эрмитаже.

прямоугольного штампа на некоторых из них сужает границы датировки до двух ранних этапов эпохи.

Определенные временные рамки указывают три последних типа сосудов. Кувшины с округлым плечиком и налешным носиком, а также сосуды типа горшковидный II встречаются, начиная со II этапа. А сферические горшки известны лишь для I этапа²⁸. Эти три сосуда происходят из разных рядов вертикальных плит раскопа Б. Сферический сосуд датирует ряд IV, в котором он найден, изыхским этапом (I в. до н. э.—I в. н. э.). Ряды I и II, судя по горшковидному сосуду и кувшину, должны относиться к I—II вв. н. э. Не противоречат этим датам и все остальные сосуды. Следовательно, ряды вертикальных плит Тепсея III сооружались не одновременно. Раньше всех, вероятно, был построен V ряд, затем IV, а еще позднее соответственно ряды III, II и I раскопа Б. Сооружение рядов шло в направлении с юго-запада на северо-восток. Ряды, включенные в раскоп А, и жертвенный комплекс, разрушенный могилами периода древнехакасского государства (названный «поминок»), расположенные к северо-востоку от раскопа Б, должны относиться к сырскому этапу. Последовательность сооружения рядов подтверждают и наблюдения над горизонтальной стратиграфией раскопа А. Ямы ряда II находятся в створе с плитами ряда I, а часть ям ряда III — с плитами ряда II. Такое «наполнение» рядов друг на друга легко объяснимо их хронологическим различием.

На Тепсее III известны и склепы, и грунтовые могилы. Поскольку все последние содержат лишь детские погребения, они, по-видимому, относятся к одному из склепов и одновременно ему. В склепе 1 Тепсея III найдены бронзовые пряжки типов 1 и 2 и железная гнутая пряжка с неподвижным шпеньком²⁹. Аналогичные пряжки известны лишь на I этапе, а тип 1 встречается и в начале сырского этапа³⁰. В склепе найден и костяной наконечник стрелы, подобный известным наконечникам I этапа³¹. О ранней дате свидетельствует близость этого экземпляра к некоторым тагарским типам³².

Бронзовые пластины-амулеты в виде двух конских головок (особенно удлиненные) также относятся к изыхскому времени³³. Этой дате не противоречит и найденная в склепе посуда³⁴. Находка здесь деревянного бочонка, совершенно аналогичного обнаруженному в Оглахтинском могильнике, хорошо подтверждает указанную дату³⁵. Уточнить ее позволяют стратиграфические наблюдения. Один из углов каменной крепиды склепа 1 перекрывает грунтовую могилу³⁶, вероятно, изыхского этапа. Если это так, то скорее всего склеп был построен в начале I в. н. э. Все эти наблюдения позволяют нам не согласиться с более поздней датировкой склепа 1, предложенной М. П. Грязновым (III—V вв. н. э.)³⁷.

²⁸ Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха..., стр. 45, 49, 67, 118.

²⁹ ГЭ—2616/18; ГЭ—2616; ГЭ—2616/24.

³⁰ Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха..., стр. 36, 38, табл. IV, рис. 60, стр. 125.

³¹ ГЭ—2616/25; Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха..., стр. 87.

³² С. В. Киселев. Древняя история..., табл. XXVI, рис. 18, 22, 24.

³³ Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха..., рис. 32, стр. 89, 90.

³⁴ ГЭ — № 170—177.

³⁵ С. В. Киселев. Древняя история..., стр. 406; М. П. Грязнов. Отчет Красноярской археологической экспедиции за 1968 г.

³⁶ М. П. Грязнов. Отчет Красноярской археологической экспедиции за 1968 г., стр. 64, 65.

³⁷ М. П. Грязнов, М. Н. Комарова. Раскопки у горы Тепсей на Енисее. АО—1968, М., 1969, стр. 179; М. П. Грязнов. Миниатюры..., стр. 99. Вопрос о дате этого памятника имеет особое значение в связи с находкой там деревянных планок с высокохудожественными резными эпическими сценами. Открытие их в раннеташтыкском склепе говорит о том, что этот художественный стиль существовал в готовом виде уже в начале эпохи, т. е. сложился до возникновения таштыкской культуры. Его местные корни пока не удается проследить. Вероятно, появление этого стиля следует связывать с пришлым населением, принявшим участие в сложении таштыкской культуры. Дальнейшее развитие этого стиля мы находим у средневековых тюркских народов. Поэтому можно связывать его появление с гянггуями. Если это предположение

Инвентарь склепа 2 Тепсея III представлен пряжками типов 1, 6 и 12³⁸. Первая форма типична для I этапа, но продолжала бытовать и во II. Вторая встречается лишь на сырском этапе. Третья форма появляется в конце этого периода и распространяется в последующем³⁹. Амулеты с головками коней, найденные в склепе 2, тоже относятся к сырскому времени⁴⁰. Таким образом, этот склеп следует отнести ко II в. н. э.

Третий склеп могильника, вероятно, был сооружен на раннем изыхском этапе. Найденные в нем пряжки (второго и третьего типов) известны лишь в памятниках I в. до н. э. — I в. н. э.⁴¹ Датировку подтверждают найденные в склепе ранние сферические сосуды⁴². В склепе встречены также амулеты изыхских типов. Наконец, о времени памятника говорит сам погребальный обряд. Сочетание труположения и трупосожжения, обнаруженное в склепе 3, — черта, характерная только для изыхского этапа⁴³.

Таким образом, мы имеем все основания считать склеп 3 самым ранним в группе Тепсей III. Вероятнее всего, именно к нему и относятся детские грунтовые могилы (склеп 1 их перекрывает, а склеп 2 принадлежит другому этапу). Склеп 3 следует датировать второй половиной I в. до н. э.

Таштыкское кладбище на Тепсее III функционировало с начала изыхского этапа и до конца сырского, т. е. в I в. до н. э. — II в. н. э. Как видим, жертвенные ряды Тепсея III одновременны склепам и, несомненно, относятся к ним.

У жертвенного ряда на Тепсее IV найдено 16 горшков⁴⁴. Сосуды типов бочонковидный II и сферический известны лишь среди посуды I этапа. Баночка с насечками по венчику тоже характерна для изыхского инвентаря⁴⁵. К этому же времени относится и склеп 4 этого могильника. На это указывают формы бронзовых пряжек (типы 1 и 2), амулетов⁴⁶ и глиняных сосудов, найденных в этом склепе. Так, банка с двумя желобками по верхнему краю восходит еще к тагарским формам⁴⁷. Аналогии сосуду с крупным налезным рассеченным валиком можно найти в инвентаре тагарско-таштыкского переходного этапа (II—I вв. до н. э.)⁴⁸.

Все раскопанные на Тепсее IV грунтовые могилы детские. Ряд вертикальных стел относится несомненно к склепу 4. Значит, и здесь это памятники одновременные. О связи рядов вертикальных плит со склепами говорит и то, что среди найденных в жертвенных ямах сосудов есть «склеповые» формы посуды, обычно не встречающиеся в грунтовых погребениях эпохи⁴⁹.

На всех других могильниках, где изучены жертвенно-поминальные ряды, имелись и погребальные склепы⁵⁰. Всюду связь их подтверждается

верно, то находки в северо-западной Монголии и смежных областях изображений подобного стиля могли бы до некоторой степени уточнить наши представления о районе первоначального обитания гяньгуней.

³⁸ ГЭ — Те III, скл. II, № 23—25, 29.

³⁹ Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха..., стр. 37, 38, 40, рис. 7—9.

⁴⁰ Там же, стр. 89, 90, 130, 131, 140, рис. 48, 52.

⁴¹ ГЭ — Те III, скл. III, № 26—28; Таштыкская эпоха..., стр. 40.

⁴² ГЭ — Те III, скл. III, № 54, 60, 61.

⁴³ М. П. Грязнов. Могильники у горы Тепсей. АО—1969, М., 1970, стр. 177; Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха..., стр. 76—78.

⁴⁴ Баночный I (5 экз.), баночный II (5), подвесной I (2), подвесной II (1), бочонковидный I (1), бочонковидный II (1), сферический (1).

⁴⁵ ГЭ — Те IV, пом. 16, № 9; пом. 20, № 5; ср. Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха..., стр. 46; ГЭ — Те IV, пом. 16, № 10.

⁴⁶ ГЭ — Те IV, м. 4, № 2—5.

⁴⁷ ГЭ — Те IV, м. 4, № 23.

⁴⁸ ГЭ — Те IV, м. 4, № 17; могильник Каменка.

⁴⁹ Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха..., стр. 67—72.

⁵⁰ Э. Б. Вадецкая. Раскопки на месте дер. Новая Черная, стр. 181; *её же*. Работы Таштыкского отряда, стр. 185.

одновременностью инвентаря этих памятников⁵¹. Везде ряды плит расположены перед входами в склепы⁵².

Таким образом, ряды вертикально стоящих плит относятся не ко всем памятникам таштыкской эпохи, а лишь к погребальным склепам. Поэтому их и нет на чисто грунтовых могильниках типа Оглахтинского.

Вертикально поставленная каменная плита и расположенная перед ней яма с жертвенной пищей — основное звено таштыкских рядов. Этнографические материалы дают некоторую возможность для реконструкции этого обряда. На годовых поминках тюркоязычных чувашей (XIX в.), например, родственники умершего «отправляются в лес, где варят приготовленное мясо в котле. Вблизи от разведенного огня выбирают дерево... срубают его и... отсекают чурбан, делают топором или долотом род человеческой головы... Чурбан ставят вертикально, врывая его в землю... Старейший в роде усопшего берет ножик и отрезает по ломту хлеба и раздает по блину и куску вареного мяса, оставляя равную часть и тени умершего, которую изображает чурбан-идол. Эту часть кладут в вырытую около чурбана ямочку»⁵³ (разрядка моя.— *И. К.*).

Если взглянуть на описанную картину глазами археолога, т. е. выделить матерьяльное проявление обряда, то легко установить два основных его элемента: вертикально врытый столб, символизирующий тень умершего, и яму с жертвенно-поминальной пищей перед ним. Сходство с изучаемыми археологическими памятниками позволяет сблизить и характер обрядов. Ряды плит таштыкских могильников предстают перед нами как остатки некогда происходивших на кладбищах поминок.

Могут указать на некоторое несоответствие таштыкских памятников приведенной этнографической аналогии. Во-первых, описывается деревянное, а не каменное изображение «тени умершего». Во-вторых, плиты рядов не имеют следов обработки. В-третьих, на поминках чувашей участвует одно изображение «тени умершего», в то время как на таштыкских могильниках плиты многочисленны и расположены рядами.

Но рассматривая последнее обстоятельство, необходимо учесть, что чуваша совершали одиночные погребения, а таштыкские склепы были коллективными усыпальницами. Конечно, и возле них поминки всякий раз справлялись по одному покойному. Но плиты и жертвенные ямы пристраивались друг к другу. Так со временем возникали длинные ряды камней.

Изображение усопшего у многих тюркских народов делалось из дерева и камня. Этнографические примеры можно найти в Северной Монголии и Синьцзяне, у туркмен, башкир и казахов, у крымских татар и у тех же чувашей⁵⁴. Возможно, деревянные изображения умершего существовали и в таштыкскую эпоху. В склепах, как известно, обнаружены части скульпп-

⁵¹ ГЭ—2543; ГЭ—М пом. 64 и др. Склеп 4 Койбальского чаа-таса не связан с изученным рядом (объект 5), а ряд этого склепа не раскопан. Объект 5 соотносится с другим раннетащтыкским, судя по ограде, склепом, к сожалению, также оставшимся нераскопанным.

⁵² Лишь в одном случае помимо рядов у входов в склепы известен особый ряд за их задними стенками (Верх-Аскызский чаа-тас). Ряд протяженностью до 70 м составляют 43 камня высотой до 2,5 м. Для разъяснения этого случая необходимы раскопки. Кстати, отметим здесь, что ряды плит могут служить поисковым признаком склепов.

⁵³ *С. И. Руденко*. Чувашские надгробные памятники. МЭР, т. I. СПб., 1910, стр. 83.

⁵⁴ *Н. Ф. Катанов*. О погребальных обычаях у тюркских племен с древнейших времен до наших дней. ИОАИЭ, т. XII, вып. 2. Казань, 1894, стр. 128; *М. Е. Массон*. О происхождении некоторых намогильников Южного Туркменистана. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1. Ашхабад, 1949; *М. М. Мендикулов*. Памятники архитектуры полуострова Мангышлак и западного Устьюрта. Алма-Ата, 1956, стр. 14—19; *С. П. Поляков*. Этническая история северо-западной Туркмении в средние века. М., 1973; *F. Bergman*. Archeological Researches in Sinkiang. Stockholm, 1939, p. 62—68, Pl. V; *П. Д. Степанов*. Этнографическое изучение южной группы башкир в Саратовской и Куйбышевской областях. СЭ, IV, 1940, стр. 211; *С. И. Руденко*. Уж. соч., стр. 86, 87.

тур людей (деревянные головы, костяные руки), а в грунтовых могилах найдены набивные кожаные «куклы» в человеческий рост, воспроизводящие тело умершего⁵⁵.

Необработанность плит таштыкских поминальников также явление небособленное⁵⁶. Подобные памятники встречаются у туркмен и башкир. Возможно, во время поминок на вертикальные камни таштыкских кладбищ надевались одежды и головные уборы умерших для достижения некоторого сходства с поминаемым человеком. Пережитками таких обычаев, вероятно, являются изображения головных уборов на надгробных памятниках многих современных народов.

Чуваши, туркмены, крымские татары часто высекали на таких камнях личные или родовые тамги⁵⁷. На таштыкских плитах Сырского чаа-таса, переиспользованных в период VI—IX вв., выбиты тамги и спирали. Как правильно указал Л. Р. Кызласов, эти камни первоначально стояли в таштыкском поминальном ряду этого могильника⁵⁸. Одна из стел Койбальского чаа-таса имеет изображение пяти орлов, выбитых, очевидно, также в таштыкское время⁵⁹. Первоначальная принадлежность стелы к поминальному ряду объясняет смысл изображения — птицы символизируют отлетающие души умерших.

Аналогии нашим памятникам можно найти в более позднем археологическом материале сопредельных областей. При тюркских поминальных оградках VI—VIII вв. в Туве довольно часто (25% изученных памятников) стоит не изваяние, а простая каменная плита, символизирующая умершего⁶⁰. В некоторых случаях изваяния (личиной на восток) стоят в рядах с необработанными плитами. Такие цепочки тянутся с севера на юг⁶¹. Плиты с древнехакасскими надписями также иногда образуют ряды с необработанными камнями. О поминальном характере этих сооружений, которые, к большому сожалению, никто не копал, говорят сами надписи⁶².

Изученные памятники существенно дополняют наши представления о культе умерших в таштыкскую эпоху. Ряды вертикальных плит — свидетельство совершавшихся поминок, в которых, по мнению таштыкцев, принимала участие и душа умершего. Выясняется, что поминки были тесно связаны с представлением о кормлении этой души. В ямах всегда находятся остатки лучших частей туш животных. Кости, найденные вне ям, — это остатки пира живых, и они, как отмечалось, резко отличаются по составу. Родственники умершего оставляли себе на поминальном пире худшие части туши. На наш взгляд, приношения были частью умиловительного обряда, устраивавшегося в честь умершего сородича и его «злой души», которой опасались оставшиеся в живых.

⁵⁵ С. В. Киселев. Древняя история..., стр. 446, табл. XXXVIII, 2, 6; Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха..., стр. 97; *его же*. Кто жил в Хакасии две тысячи лет назад? «Наука и жизнь», 1969, 12.

⁵⁶ Отметим здесь, что в рядах часто стоят переиспользованные энеолитические антропо-зооморфные изваяния (таблица). Возможно, именно сходство с человеческой фигурой привлекло к ним внимание таштыкцев.

⁵⁷ М. Е. Массон. Ук. соч., стр. 47, 48; С. И. Руденко. Ук. соч., стр. 86; С. П. Поляков. Ук. соч., стр. 26, 30, 42, 46.

⁵⁸ Л. Р. Кызласов. Сырский чаа-тас. СА, XXIV, 1955, стр. 246, 250, 255, рис. 1, 42, 45.

⁵⁹ Л. Р. Кызласов. Двадцатый год работы Хакасской экспедиции, стр. 219; *его же*. Таштыкская эпоха..., стр. 144, 145 и рис. 54, 5.

⁶⁰ Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 26. Данные о частом использовании для этой цели дерева у многих народов, возможно, позволят поинному взглянуть на относительно многочисленные (33%) «оградки без всяких дополнительных устройств» (стр. 115, 116). Вполне вероятно, что раскопки у восточных стен таких оград могли бы выявить ямы от некогда стоявших в них деревянных изображений.

⁶¹ С. С. Сорокин. Древние каменные изваяния Южного Алтая. СА, 1968, 1, стр. 260, 261.

⁶² Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 115, 116.

Количество остатков поминального пира говорит не только о том, что у каждой плиты он совершался однажды, но и об участии в нем одной или нескольких близких семей. Они входили в одну родовую организацию, что объясняет строгий порядок в расположении поминальных комплексов ряда. Напомним вновь, что ряды плит относятся к коллективным усыпальницам — склепам. Подобным сооружением оформлялся, вероятно, не каждый надгробный пир. У склепа, нередко содержащего до 100—200 погребений, обычно находится ряд лишь в несколько десятков плит. Очевидно, для живых почитание памяти тех или иных умерших было неравнозначно⁶³.

Все наблюдения приводят нас к выводу о существовании в таштыкскую эпоху одной из форм семейно-родового культа предков⁶⁴. А это позволяет судить об общественном строе населения, поскольку «культ предков представляет собой не универсальное и, что очень важно, далеко не первобытное явление. Оно свойственно сравнительно поздней стадии исторического развития — стадии патриархально-родового строя»⁶⁵.

На Тепсее жертвенно-поминальные ряды состоят из небольших тонких плиток. Длина монументов Уйбатского чаа-таса достигает 3—4 м. Обычная высота подобных плит Хакасии — 0,5—1,5 м. Чем может объясняться такая разница их размеров?⁶⁶

Ряд плит (или несколько рядов) одного кладбища — поминальное сооружение определенной родовой группы. Огромный камень, возможно, свидетельство возвеличивания, некоторой героизации образа умершего, которого он символизировал; значит, ряд необычно крупных плит — свидетельство возвеличивания целого рода. Такой род, вероятно, главенствовал над окрестным населением. Жертвенно-поминальный ряд своеобразно отражал эту власть.

Нигде в бассейне Среднего Енисея нет поминального ряда, подобного Уйбатскому. Но нигде нет и такого большого количества таштыкских склепов, как на этом чаа-тасе. Археологи давно обратили внимание на особое значение этого могильника. Примечательно, что здесь же расположены каменные курганы типа чаа-тас последующей эпохи древнехакасского государства. Они также резко отличаются от одновременных памятников монументальностью конструкций и богатством инвентаря. Наконец, до революции именно в этом районе проживали самые богатые баи, происходившие из основного правящего рода хакасов — сеока «Хыргыс». Не отразил ли жертвенно-поминальный ряд таштыкского времени начавшийся процесс выделения аристократического рода, ставшего в последующую эпоху сложения государства правящим и династийным?

Другие ряды, камнями которых превышают обычные размеры, достигая 2—2,5 м, находятся на р. М. Есь возле улуса Кызласова, на Верх-Аскизском чаа-тасе и у горы Оспа на р. Белый Июс.

На основании указанных наблюдений таштыкское общество представляется нам союзом племен периода, предшествующего раннеклассовым образованиям. Каждое племя возглавлялось одним правящим родом (возможно, ими оставлены поминальные ряды, подобные сооружению близ улуса Кызласова). Эти племена, вероятно, объединялись вокруг одного племени с главенствующим родом⁶⁷. Возможно, именно такому роду при-

⁶³ Ряды плит — памятники одного из этнических компонентов таштыкского населения. Поэтому они могут относиться лишь к части умерших, погребенных в склепе. Это не противоречит мнению Л. Р. Кызласова о родо-племенном характере склепов (Таштыкская эпоха..., стр. 191).

⁶⁴ При понимании этого термина мы пользуемся определением, данным С. А. Токаревым (С. А. Токарев. Ранние формы религии. М., 1964, стр. 266).

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Речь идет о средней высоте ряда плит в целом.

⁶⁷ Картографирование рядов плит крупных размеров позволило бы, возможно, установить число племен, входивших в это объединение, и районы их расселения. Упомянутые ряды находятся в районах, занимаемых ныне современными хакасскими племенами: сагайцами, бельтырами, качинцами и кызыльцами.

надлежал поминальный ряд Уйбатского чаа-таса. Таким племенем могли быть древние гяньгуни-кыргызы — ведь недаром впоследствии у каждого хакасского племени правящим был род «Хыргыс».

Известно, что погребальный обряд раннеташтыкского времени отразил взаимодействие в начале эпохи по крайней мере двух крупных этнических групп. Для одной характерны были грунтовые могилы и обряд трупоположения, для другой, пришлой и тюркоязычной, — погребальные склепы и обряд сожжения умерших⁶⁸. Как установлено нами, поминальные ряды связываются с погребальными склепами⁶⁹, т. е. являются характерной чертой тюркоязычного этнического компонента. Некоторые отмеченные ранее различия в ориентации рядов и плит, возможно, позволят в будущем наметить и более дробное внутреннее деление для этой этнической группы⁷⁰.

Подобных рядов в тагарскую эпоху на Среднем Енисее не существовало⁷¹. Изучая происхождение пришлого этноса, мы имеем право опираться и на поминальные ряды. Теория центральноазиатского происхождения гяньгуней заставляет искать южные и юго-восточные параллели. В южной Туве в степи Кӧжэлиг-Хову, на правом берегу р. Тес-Хем, зафиксирован ряд из шести необработанных вертикальных камней. Он тянется с северо-северо-запада на юг-юго-восток⁷². Нередко в Туве и Монголии рядами стоят и «оленные» камни. Они также направлены с севера на юг или с северо-востока на юго-запад. Все эти памятники предшествуют таштыкской культуре и датируются VII—III вв. до н. э.

Отметим здесь три параллельных ряда «оленных» камней, расположенных в долине Ушкийн Увэр в окрестностях г. Мурена (МНР). Ряды их строго выдерживают направление с севера на юг, а узкие «лицевые» грани 15 камней обращены на восток. Назначение подобных рядов подчеркивают обычные для «оленных» камней высеченные на них символы мужчины — воина⁷³. Плиточные могилы в Восточном Забайкалье, как правило, также тянутся цепочками с севера на юг. Ориентировка самих могил — восток — запад. Стоящие у их восточных стенок «сторожевые камни» нередко образуют параллельные с могилами ряды. Наиболее вероятно также поминальное назначение этих камней. Отметим, что там же описан ряд из небольших камней, стоящих в западном направлении на протяжении 18 м. Он относится к плиточной могиле⁷⁴.

⁶⁸ Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха..., стр. 78.

⁶⁹ Это не означает, что другая этническая группа совсем не имела жертвенных памятников. На грунтовом Оглахтинском могильнике в 1970 г. был раскопан небольшой, возможно жертвенный, каменный ящик (0,68×0,5×0,2 м). Под его покрытием обнаружены слои бересты, идущие до самого дна и даже заходящие под стенки ящика. В ящике ничего больше не найдено. Он отчасти схож с нашими поминальниками: вытянут с запада на восток и перекрыт небольшими плитами. На этом сходство кончается. Обряды, видимо, различные. Возможно, этот ящик отражает и влияние первой этнической группы на вторую.

⁷⁰ Ср. деление, намеченное Л. Р. Кызласовым по конструкциям и инвентарю склепов (Таштыкская эпоха..., стр. 13—28, 65—67 и др.).

⁷¹ В значительно более ранний период в Хакасии сооружались жертвенные ряды, состоящие из «окуневских» изваяний (личинами на восток) и простых менгиров. Три таких ряда в районе ст. Ербинская были также вытянуты с севера на юг. См. Л. Р. Кызласов. Каменные «старушки» Хакасии. АО—1971, М., 1972, стр. 295.

⁷² На одном камне ряда выбиты изображения двух горных козлов и лося (наблюдения Л. Р. Кызласова).

⁷³ Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы. В кратком изложении. Вестн. МГУ, истор.-филол. серия, 1958, 4, стр. 85; Э. А. Новгородова. Новые памятники искусства древней Монголии. Сб. «Монголын эртний туухсоёлын зарим асуудал». Улан-баатар, 1972, стр. 55—71. К сожалению, «оленные» камни продолжают изучаться лишь как памятники искусства; их раскопки имеют целью полное выявление и расчистку упавших стел. Мимходом отмечается, что «камень окружала круглая каменная выкладка (диаметр ее 170 см)»; осталось неизвестным, зачем «в двух метрах на восток от стелы были врыты три остроугольных камня, аналогично таким же угловым камням у северной стенки керексура „ж“» (там же, стр. 57, 58).

⁷⁴ Ю. С. Гришин. О плиточных могилах Восточного Забайкалья. СА, 1968, 1, стр. 178, 183.

Пока трудно решить, насколько удовлетворяют нас эти аналогии. Намечается лишь направление и предмет поисков, которые могут прояснить происхождение этнических группировок таштыкского населения или показать распространенность подобного поминального обряда, отражающего определенный уровень развития общества.

Поминальные ряды доживают до последнего, камешковского этапа таштыкской культуры⁷⁵. В III—V вв. появляются таштыкские каменные изваяния, как бы соединяющие две основные черты поминального культа: вертикальный камень и маску, по-разному изображавшие умершего человека. Существует мнение о генетической связи этих изваяний со статуями тюрков VI—VIII вв.⁷⁶ Подтверждением этого может быть некоторое сходство таштыкских и тюркских поминальных комплексов при всей их индивидуальности⁷⁷. К обряду таштыкского времени (или к общему корню) могут восходить следующие черты тюркских поминальных памятников: 1) изображение умершего, располагающегося лицом на восток; 2) замещение в ряде случаев изваяния необработанной вертикально вырытой плитой; 3) построение оградок в ряды, вытянутые с севера на юг⁷⁸. В поминальниках древних тюрков жертвенная пища нередко оказывается спрятанной в ямки⁷⁹, которые часто бывают выложены камнями. Встречаются здесь и каменные ящички⁸⁰.

Можно предположить, что пережитки этого обряда сохранились у тюркских племен и позднее. Вспомним описание у Ахмеда ибн-Фадлана приношения женой даров умершему гузу: «Она взяла (немного) мяса и молока и кое-что (из того), что мы подарили ему, вышла из (пределов) «домов» в дикую местность, вырыла яму, погребла в ней то, что имела с собой, и произнесла (какие-то) слова»⁸¹. В сообщении обращает на себя внимание состав обычной жертвы душе умершего — мясная и жидкая молочная пища. Таковы были и приношения в таштыкских поминальных жертвенниках.

Как отмечалось выше, в период древнекавказского государства существовали ряды плит, содержащие стелы с выбитыми на них эпитафиями. Характер поминального культа изменился здесь, как и у тюрков-тугов: от «коллективности» поминальных памятников, их многочисленности и построения цепочкой к «индивидуальности», обособленности друг от друга, к распаду цепочек на звенья. Этот процесс, видимо, приводит затем к появлению одиноко стоящих плит с надписями. Каждая из таких стел посвящена одному человеку и в какой-то мере символизирует его, так как повествование в эпитафии всегда ведется от первого лица.

Такое развитие поминальных памятников — отражение реального процесса изменения представлений о роли человеческой личности, происшедшего в раннем средневековье. Это было вызвано изменениями в социально-экономическом строе общества, в данном случае переходом от патриархально-родовой к классовой, феодальной организации.

⁷⁵ Такой ряд на могильнике Уйбат II С. В. Киселев связывал с раскопанными им позднеташтыкскими погребениями (С. В. Киселев. Древняя история..., стр. 468; Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха..., стр. 151, 156).

⁷⁶ Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха..., стр. 157—160.

⁷⁷ У тюрков поминальники вообще часто связаны с рядами вертикальных камней. Это и «бальбалы» VI—VIII вв. и «усы» шурмакских памятников (Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы, стр. 94, 95).

⁷⁸ Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века, стр. 26; Л. А. Евтюгова, С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. Тр. ГИМ, XVI. М., 1941.

⁷⁹ Л. А. Евтюгова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, 24, 1952, стр. 114 сл.; Л. Р. Кызласов. Уч. соч., 30, 31; *его же*. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.). Вестн. МГУ, истор. серия, 1960. № 1, рис. 4.

⁸⁰ А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, стр. 14—17, табл. III—V.

⁸¹ А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 126.

Приведенные факты свидетельствуют не только об определенной близости представлений и обрядов, связанных с поминальным культом, но и о близости социально-экономических процессов, происходивших у племен Саяно-Алтайского нагорья в I и начале II тысячелетий нашей эры.

I. L. Kyzlassov

MONUMENTS FUNEBRES DE L'EPOQUE TACHTYK

Résumé

Les recherches de ces dernières années dans la dépression de Hakass-Minoussinsk ont révélé la destination de plusieurs menhirs, qui sont alignés en général du nord au sud (Ier s. av. n. ère — Ve s. de n. ère). Chaque menhir symbolisait l'âme du mort. Aux festins funèbres annuels, les membres d'un même clan dressaient une stèle semblable, et devant sa face orientale ils laissaient dans une fosse ou une petite boîte de pierre les meilleurs morceaux de viande ainsi que du liquide dans un récipient. Par ces offrandes on cherchait à se concilier «l'âme du défunt» durant le banquet funèbre. La destination de semblables monuments est confirmée par des observations faites sur les habitudes analogues qu'on rencontre chez de nombreux peuples turcs du passé et d'aujourd'hui. On a établi que la coutume d'élever ces monuments a existé durant toute l'époque tachtyk. Cependant, les alignements de menhirs ne sont pas en rapport avec les tombes en pleine terre datant de cette époque, mais seulement avec les sépultures funéraires collectives devant l'entrée desquelles ils étaient disposés. Compte tenu de la diversité ethnique de la population tachtyk, les rangées de stèles dressées sont le trait caractéristique de l'un de ses composants, les Hianhuns, et peuvent aider à résoudre les questions d'ethnogénèse. Les monuments funèbres du cours moyen de l'Iénisseï sont une source historique digne de foi. Des rangées de dalles d'une hauteur exceptionnelle ont été érigées par les tribus dirigeantes. Ceci permet de distinguer des centres tribaux; l'organisation sociale de la société est formée par une union de tribus au stade de décomposition du régime clanal. On peut établir le nombre des tribus constituant cette union. Il est remarquable qu'on rencontre une rangée de hauts menhirs sur les terres de chacune des principales tribus actuelles de Hakasses. L'évolution des monuments funèbres révèle des changements dans la valeur du rôle social de l'individu. C'est pourquoi il est important d'établir que cette évolution est analogue chez les autres peuples saïanoaltaïques, et qu'elle reflète l'unité des processus sociaux qui ont eu lieu ici.